

Моей матери

I am an anti-Christ
I am an anarchist
Don't know what I want
But I know how to get it
I wanna destroy passerby

SEX PISTOLS¹

¹ Куплет из песни британской панк-рок-группы «Секс Пистолс» «Anarchy in the UK» («Анархия в Соединенном Королевстве») (1976). Букв. перевод с англ. яз.: «Я антихрист / Я анархист / Я не знаю, чего хочу / Но знаю, как этого добиться / Я хочу завалить прохожего».

Часть первая

ГЛАВА 1

Midnight Special¹

Ранее

Двое заключенных, оставшихся в камере, тихо переговариваются. Первый когда-то работал на обувной фабрике. Напившись, он убил человека. Второй служил в полиции и донес на начальника. Оба уснули в тюрьме, а проснулись в Коробке.

Башмачник спит сутки напролет, полицейский почти не смыкает глаз. Если оба не спят, то заводят разговор, чтобы заглушить голоса, которые становятся все громче, а в последнее время совсем не смолкают. Временами перед глазами их полыхают ослепительно-яркие цветные вспышки — сказывается действие лекарств, которыми ежедневно пичкают заключенных, и шлемов, которые надевают им на голову. Под этими шлемами узники извиваются как ужи на раскаленной сковородке.

Во время войны отец башмачника отбывал срок в городской тюрьме. В подвалах была комната, где осужденных заставляли балансировать на доске: одно неосторожное движение — и они падали в ледяную воду. Имелся там и каменный мешок, где узник мог поместиться, только сжавшись в комок. Никто не знает, скольких пытали и убили в подземельях этого здания. Говорят, тысячи.

¹ «Полуночный спецпоезд» (англ.) — американская народная песня.

Но Коробка хуже. Из той старой тюрьмы, если повезет, можно было вернуться домой. Вернуться искалеченным, поруганным, но живым. Так случилось с отцом башмачника.

А в Коробке можно только дожидаться смерти.

Коробка — не дом и не тюрьма. Это бетонный куб без окон. Дневной свет проникает в камеру сквозь решетку над головой. Двор такие, как они, увидят лишь однажды — перед смертью. Если тебя выводят на воздух, значит ты уже слишком болен. Ты напал на охранника или убил сокамерника, начал калечить себя или пожирать собственные экскременты, а может, перестал реагировать на препараты и стал бесполезным.

Полицейский и башмачник еще не исчерпали своей полезности, но знают, что осталось им недолго. Их волю сломали, они пресмыкались и умоляли о пощаде, но все-таки были раздавлены еще не до конца. И когда появилась Девочка, попытались ее защитить.

Девочке не больше тринадцати лет. С тех пор как ее бросили к ним в камеру с наголо выбритой головой, она не произнесла ни слова. Только глядела на них кобальтовыми глазами, казавшимися огромными.

Она чурается их, держится на расстоянии. Полицейский и башмачник не знают о ней ничего, кроме достигших коридоров Коробки слухов. Запри узников в жестоком, неприступном застенке, раздели их, закуй в наручники, вырви язык, и они все равно найдут способ общаться — перестукиваясь через стенку посредством азбуки Морзе, перешептываясь в душевых, передавая записки с пищей и в отхожих ведрах.

Кто-то говорит, что она попала в Коробку с семьей, но вся ее родня погибла. Кто-то — что она бродячая цыганка. Какова бы ни была правда, Девочка ее не открывает. Она сидит в углу и недоверчиво следит за каждым их движе-

нием, справляет нужду в ведро, принимает положенные пищу и воду, но всегда молчит.

Никто не знает ее имени.

Девочку уводили из камеры трижды. Первые два раза она возвращалась в изорванной одежде и с окровавленными губами. Двое мужчин, считавших, что внутри у них осталась только пустота, плакали от жалости. Мыли ее, заставляли поесть.

На третий раз полицейский и башмачник поняли, что больше ее не увидят. Когда охранники приходят, чтобы вывести тебя во двор, меняется даже звук их шагов. Они вежливы и спокойны — лишь бы ты не волновался. Тебя уводят наверх, приказав захватить жестяную миску и пропахшее хлоркой одеяло. Эти вещи достанутся следующему заключенному.

Когда дверь открылась, они вскочили, чтобы за нее вступить, и Девочка будто впервые заметила двух мужчин, с которыми делила камеру почти целый месяц. Покачав головой, она медленным шагом последовала за конвойными.

Башмачник и полицейский дожидались грохота грузовика, увозящего со двора изувеченные трупы: в последний путь узников благословляет мясницкий топор. Как рассказал им заключенный из погребальной команды, это короткое путешествие кончается на заснеженной пустоши сразу за стенами Коробки. По его словам, там зарыто не меньше сотни трупов без лиц и кистей рук: даже если братскую могилу найдут, Коробка не желает, чтобы кого-то из них опознали. Позже могильщик проткнул себе уши гвоздем, пытаясь заставить голоса замолчать. Теперь и он отправился в последний путь.

Прошло двадцать минут, но полицейский и башмачник так и не услышали скрежета старого дизельного двигателя. Помимо голосов в их головах и криков из соседних камер, в бетонном кубе стояла тишина.

Но вот кто-то рывком открывает дверь. Это не охранник и не один из врачей, которые регулярно их посещают. Это Девочка.

Пижама залита кровью, на лбу красные брызги. Девочка словно и не замечает. В руке у нее тяжелая связка ключей, принадлежавших конвойным. Ключи тоже в крови.

— Пора идти, — говорит она, и воздух разрывает вой сирены.

1

Смерть прибыла в Рим за десять минут до полуночи скоростным поездом из Милана. Остановившись на седьмой платформе вокзала Термини, состав вывалил на перрон полсотни усталых пассажиров, почти не обремененных багажом. Их тут же умчали последняя электричка метро и ожидавшие такси. В поезде погас свет. Из вагона люкс почему-то никто не вышел — пневматические двери остались закрытыми. Сонный кондуктор разблокировал их снаружи и поднялся, чтобы убедиться, что в вагоне не задержался какой-нибудь задремавший пассажир.

Добросовестность сослужила ему дурную службу.

Через двадцать минут его исчезновение заметил агент железнодорожной полиции, ожидавший кондуктора, чтобы выпить пивка после смены. Большими друзьями они не были, но постоянно встречались на вокзале и со временем выяснили, что у них немало общего: оба обожали широкобедрых дамочек и болели за одну футбольную команду. Агент поднялся на борт и обнаружил, что его собутыльник свернулся на полу тамбура, слепо глядя перед собой распахнутыми глазами. Руками он сжимал горло, словно пытаясь себя задушить.

На резиновом коврикe собралась в лужу вытекшая у него изо рта кровь. Агент подумал, что таких мертвых по-

койников еще не видел, и все-таки прикоснулся к шее женщины, заранее зная, что не нащупает пульса.

«Видать, инфаркт», — подумал он.

Агент мог и продолжить обход поезда, но во избежание бюрократической волокиты предпочел не выходить за рамки своих полномочий и, сразу же спустившись на перрон, связался с диспетчерской службой, чтобы прислали кого-нибудь из криминальной полиции и известили дежурного магистрата. Самого вагона он так и не увидел. Протянув руку и открыв раздвижную дверь с матовым стеклом, он изменил бы и свою судьбу, и судьбы тех, кому предстояло войти в поезд после него, но ему это и в голову не пришло.

Обязанность осмотреть поезд легла на плечи замначальника третьего отдела мобильного спецподразделения, который все, кроме полицейских, называли убойным. Эту должность занимала женщина, вернувшаяся на службу после долгого отпуска по состоянию здоровья и череды невзгод, которые несколько месяцев обсуждались во всех ток-шоу. Звали ее Коломба Каселли, и впоследствии нашлись люди, посчитавшие ее приезд счастливым случаем.

Ее мнение на этот счет было диаметрально противоположным.

2

Коломба приехала на станцию Термини без четверти час на служебном автомобиле, за рулем которого сидел старший агент Массимо Альберти. Веснушчатому и светловолосому Альберти уже исполнилось двадцать семь лет, и не приходилось сомневаться, что его лицо останется мальчишеским и в старости.

Самой Коломбе было тридцать три, но ее зеленые глаза, оттенок которых менялся вместе с настроением, напо-

минали глаза человека на несколько лет старше. Ее черные волосы были собраны в строгий пучок, что подчеркивало твердые восточные скулы, унаследованные от неведомого далекого предка. Выйдя из машины, она направилась к платформе, где стоял прибывший из Милана поезд. Рядом курили четверо молоденьких агентов железнодорожной полиции: двое сидели в нелепом двухместном электромобиле, из тех, на которых полицейские передвигаются по станции, а еще двое стояли у буфера. Недалеке щелкали камерами мобильных телефонов несколько зевак и вполголоса переговаривались уборщица и санитары «скорой помощи».

Коломба показала удостоверение и представилась. Узнав ее по фотографиям в газетах, один из агентов растянул губы в обычной дурацкой улыбке. Она притворилась, что не заметила.

— Какой вагон? — спросила она.

— Первый, — ответил тот, что был старшим по званию. Остальные теснились за его спиной, как за щитом.

Коломба взгляделась в окна, но в поезде было слишком темно.

— Кто из вас был внутри?

Агенты смущенно переглянулись.

— Наш сослуживец, но он уже сменился, — сказал тот же юнец.

— Он ничего там не трогал, просто посмотрел. А мы только заглянули внутрь с перрона, — добавил один из его приятелей.

Коломба раздраженно покачала головой. Труп предвещал бессонную ночь: придется дожидаться, пока закончат работу магистрат и судмедэксперт, а потом составить уйму бумаг и отчетов. Неудивительно, что агент удрал. Конечно, можно было бы пожаловаться его начальству, но она тоже не любила попусту терять время.

— Вы знаете, кто это? — спросила она, надевая латексные перчатки и голубые бахилы.

— Джованни Морган из поездной бригады, — сказал старший по званию.

— Родственникам уже сообщили?

Агенты снова переглянулись.

— Ладно, проехали. — Коломба помахала Альберти. — Принеси из машины фонарик.

Альберти ушел и вернулся с черным металлическим фонариком полуметровой длины, который при необходимости вполне мог заменить дубинку.

— Мне подняться в вагон с вами?

— Нет, жди здесь и отгоняй зевак.

Коломба по радиации сообщила в участок, что начинает осмотр, после чего, как и ее предшественник, безуспешно искала пульс на шее кондуктора: кожа покойника была липкой и холодной. Пока она уточняла у диспетчера, когда приедут судмедэксперт и дежурный магистрат, ее внимание привлекло странное, чуть слышное жужжание. Коломба задержала дыхание и прислушалась. Звук представлял собой какофонию трелей и вибраций — с полдюжины мобильных телефонов трезвонили одновременно. Шум исходил из вагона люкс, где кресла были обиты натуральной кожей, а расфасованные блюда приготовлены по рецептам модного шеф-повара.

Сквозь матовое стекло дверей просвечивали пульсирующие зеленоватые отсветы телефонных экранов. Поверить, что пассажиры забыли все эти девайсы, было невозможно, а единственное объяснение, пришедшее ей на ум, казалось чудовищным до неправдоподобия.

И все-таки она не ошиблась. Стоило Коломбе взломать раздвижную дверь, в нос ей ударила вонь крови и экскрементов.

Все пассажиры вагона люкс были мертвы.

З

Луч ее фонарика выхватил из сумрака тело пассажира лет шестидесяти. Руки лежащего на полу мужчины в сером костюме были зажаты между бедер, голова запрокинута. Хлынувшая горлом кровь плотной маской покрывала его лицо.

«Какого хрена здесь произошло?» — подумала Коломба.

Стараясь ни на что не наступить, она медленно двинулась вперед. Поперек прохода лежал молодой человек в расстегнутой рубашке и мокрых от экскрементов брюках-дудочках. Подкатившийся к его лицу стеклянный стакан был перепачкан натекшей из носа кровью.

В кресле слева от Коломбы сидел старик. Наконечник трости воткнулся ему в рот, пригвоздив к спинке сиденья. Выпавшая вставная челюсть покоилась на покрытых засохшей кровью и рвотой коленях. Азиат в форме сотрудника вагона-ресторана повалился на тележку с едой, а его коллега — на колени женщины в костюме и на двенадцатисантиметровых шпильках. Как и они, женщина была мертва.

Легкие Коломбы начали сжиматься, и она сделала глубокий вдох. Принюхавшись к вони, она ощутила странное, неопределенно-сладковатое послевкусие, напомнившее ей о детстве: мать регулярно пыталась освоить выпечку, но все ее торты пригорали в духовке.

Коломба добралась до противоположного конца вагона. На полу распластался в позе Супермена пассажир лет сорока — правая, сжатая в кулак рука вытянута вперед, левая прижата к телу. Переступив через труп, она заглянула в туалет, где, переплетясь ногами, лежали какая-то женщина и уборщик в оранжевой спецовке. При падении женщина расшибла затылок о раковину, и к бортику прилип окровавленный клочок волос.

Рация снова запищала.

— Ваш водитель просит разрешения подняться в вагон, — прокаркала диспетчерская.

— Ответ отрицательный, я свяжусь с ним напрямую, отбой, — почти нормальным голосом отозвалась Коломба и, достав мобильник, позвонила Альберти: — В чем дело?

— Госпожа Каселли... Тут у нас встречающие... Говорят, ждали пассажиров, которые должны были приехать этим поездом.

— Погоди. — Коломба отодвинула дверь и оглядела следующий вагон первого класса — никого. Пусто оказалось и в других вагонах. На всякий случай она обошла весь поезд и вернулась назад. — Они ехали в вагоне люкс?

— Да, госпожа Каселли.

— Если ты рядом со встречающими, отойди подальше, чтобы тебя не услышали.

Альберти послушно отошел к локомотиву:

— Что случилось?

— Все пассажиры первого вагона мертвы.

— Вот дерьмо... Как они погибли?

У Коломбы зашло сердце. До сих пор она двигалась как в трансе и только теперь осознала, что, за исключением пронзенного тростью старика, на телах несчастных отсутствовали видимые повреждения.

«Надо было сбежать, как только я увидела кондуктора».

Но вероятно, и тогда уже было слишком поздно.

— Госпожа Каселли... Вы меня слышите? — спросил встревоженный ее молчанием Альберти.

Коломба встряхнулась:

— Не знаю, что их убило, но, похоже, они что-то съели или вдохнули.

— Господи Иисусе... — в ужасе прошептал Альберти.

— Сохраняй спокойствие, потому что у меня для тебя важное поручение: не подпускай никого к составу до приезда команды биозащиты. Даже криминалистов и магистрата. Если кто-то попытается приблизиться, арестуй его,

пристрели, но не позволяй войти в поезд. — По спине Коломбы побежал ледяной пот.

«Если это сибирская язва, мне крышка, — подумала она. — Если нервно-паралитический газ, то, может, шансе еще есть».

— И второе. Найди агента, который входил в поезд. Возьми адрес у его сослуживцев. Его необходимо изолировать. Остальных также задержи, особенно если они пожимали ему руку, затягивались одной сигаретой и все такое. То же касается встречающих родственников. Если они вступали с вами в физический контакт, не отпускай их.

— Сказать им правду?

— Даже не думай. Сообщи в диспетчерскую, чтобы нашли всех, кто работал в поездной бригаде и общался с пассажирами. Но сначала пусть пришлют команду биозащиты. С диспетчерской свяжись по телефону. Рацию не используй, иначе начнется паника. Я ясно выразилась?

— А как же вы, госпожа Каселли?

— Я сглупила. Не надо было входить в поезд. Возможно, яд еще активен, и я могу стать переносчицей заразы. Я не могу выйти, иначе рискую заразить кого-то еще. Все понял?

— Да, — охрипшим голосом сказал Альберти.

Коломба дала отбой, вернулась в коридор и, дернув за аварийный рычаг, закрыла дверь в вагон. Затем она села в первое попавшееся кресло в вагоне первого класса, который по сравнению с люксом походил на нищенский барак, и принялась ждать, пока ей не сообщат, есть ли у нее надежда выжить.

4

Оперативники из команды биозащиты в противогазах и комбинезонах из тайвека активировали чрезвычайный протокол. Оцепив платформу ограждающей лентой, они

накрыли поезд полотнищами из непроницаемого пластика и соорудили небольшую шлюзовую камеру на входе в первый вагон.

Внутри, сосредоточенно наблюдая за собственным самочувствием и выискивая симптомы заражения, дожидалась Коломба. Лимфоузлы как будто не воспалились, потливость не усилилась, и ее не бил озноб, но она понятия не имела, как скоро начинает действовать предполагаемый вирус или яд. Через два часа паранойи, когда вонь и духота уже стали невыносимыми, в поезд вошли двое солдат в костюмах химзащиты. Первый нес в руках еще один защитный костюм, а второй навел на нее автомат.

— Руки за голову, — глухо приказал он через противогаз.

Коломба повиновалась.

— Я замначальника мобильного подразделения Кассели, — представилась она. — Это я подняла тревогу.

— Не двигайтесь, — сказал военный с автоматом, пока его товарищ обыскивал ее уверенными, несмотря на плотные перчатки, движениями.

Положив ее табельный пистолет и складной нож в пластиковый пакет с герметичной застежкой, он передал его третьему солдату, оставшемуся на подножке. Тот в свою очередь протянул ему пакет побольше, который он отдал Коломбе.

— Разденьтесь и положите одежду в пакет, — велел он. — Затем наденьте защитный костюм.

— При вас? — переспросила Коломба. — Нет.

— В случае неподчинения мы уполномочены стрелять. Не вынуждайте нас применять насилие.

На мгновение закрыв глаза, Коломба подумала, что бывают вещи и похуже публичного стриптиза. Например, можно умереть, захлебнувшись кровавой рвотой, или схлопотать пулю в затылок. Она ткнула пальцем в камеру, встроенную в шлем солдата с автоматом.

— Будь по-твоему. Только выключи эту штуку. Может, я и умру, но не хочу, чтобы ролики с моей обнаженкой разошлись по Интернету.

Солдат прикрыл объектив ладонью.

— Поторапливайтесь.

Чувствуя на себе мужские взгляды, Коломба быстро разделась. Из-за мускулистых бедер и плеч в одежде она казалась крупнее, но стоило ей обнажиться, взору открывалась стройная, атлетическая фигура женщины, которая всю жизнь поддерживала хорошую физическую форму. Она натянула тяжелый костюм химзащиты, и солдаты помогли ей надеть противогаз.

Коломба была опытной аквалангисткой, но из-за маски и отдающегося в ушах дыхания сразу же ощутила удушье. Легкие опять слегка сжались, но, как и в прошлый раз, спазм миновал молниеносно, словно призрак. Солдаты вытолкнули ее на перрон и провели через кордон, оцепивший упакованный, будто произведение Христо¹, поезд.

Вокруг творилось светопреставление.

Было четыре утра, и на залитой огнями военных прожекторов станции находились исключительно солдаты, карабинеры, полицейские, пожарные и агенты в штатском. Не слышались ни шум прибывающих и уходящих поездов, ни треск громкоговорителя, ни болтовня треплющихся по мобильникам пассажиров. Тишину нарушали только тяжелый топот военных ботинок, гулко отдающийся от свода крыши, покрякивание офицеров и сирены патрульных машин.

Солдаты подвели Коломбу к стоящему прямо перед билетными кассами трейлеру передвижной лаборатории. Военный врач взял у нее кровь и биологические жидкости, вводя шприцы через резиновую заплату на рукаве, а затем сделал укол, от которого к ее горлу подкатила желчь.

Никто не говорил Коломбе ни слова, не отвечал на вопросы и не реагировал даже на ее самые элементарные

¹ *Христо Явашев* (р. 1935) — американский скульптор и художник, прославившийся вместе со своей женой Жанной-Клод де Гийебон работами, в которых «упаковывал» различные объекты.

просьбы. Через полчаса молчания она взорвалась и приперла врача к стене трейлера:

— Я хочу знать, что со мной, ясно?! Я хочу знать, что я вдохнула! — Взгляд ее был твердым, как нефрит.

Двое солдат швырнули Коломбу на пол и заломили ей руки за спину.

— Мне нужны ответы! — снова закричала она. — Я вам не арестантка, а сотрудница полиции, вашу мать!

Врач неловко поднялся на ноги. Под кашпоном с него съехали очки.

— Вы в полном порядке, — пробормотал он. — Мы как раз собирались вас отпустить.

— А раньше вы сказать не могли? — Солдаты отпустили ее, и она встала, нарочно ткнув одного из них локтем в живот. — Как дела у моих коллег?

Врач попытался водрузить очки обратно на нос, не снимая перчаток, и чуть не выколол себе глаз дужкой.

— Они тоже в порядке. Уверяю вас.

Коломба сняла шлем. Господи, какое счастье дышать свежим, не провонявшим потом воздухом! Пять минут спустя ей вернули одежду, и она снова почувствовала себя человеческим существом, а не куском мяса на прилавке. Голова раскалывалась, но она была жива, в чем еще пару часов назад не могла бы поручиться. Прожектора повывключали, но на станции по-прежнему царил неправдоподобная атмосфера военной оккупации. Возле поезда ровным рядком лежали трупы в герметичных пластиковых мешках. Нескольких тел не хватало — их унесли на экспрессе в передвижную лабораторию.

Полковник полиции Марко Сантини отошел от кучки агентов, стоящих у перехода в метро, и, подволакивая левую ногу, направился к ней. Высокий мужчина с орлиным профилем и жесткими, как стальная проволока, усами был одет в плащ с прорезами и плоскую ирландскую кепку, в которой походил на пенсионера. Однако стоило по-

лучше присмотреться к его лицу, как становилось понятно: перед тобой опасный сукин сын.

— Как себя чувствуем, Каселли?

— Говорят, хорошо, но сама я в этом изрядно сомневаюсь.

— Мне кое-что для тебя передали. — Сантини вручил Коломбе сумку с конфискованным у нее оружием. — Не знал, что ты разгуливаешь со складным ножом.

— Это мой талисман, — сказала она, убирая нож в карман куртки. — Оберег от назойливых засранцев. Куда эффективнее четырехлистника.

— Не похоже на табельное оружие.

— Ты что-то имеешь против?

— Нет, пока ты не пытаешься пырнуть меня в спину.

Коломба пристегнула кобуру «беретты» к ремню. В более спокойных обстоятельствах она носила пистолет за спиной, где он не так бросался в глаза, но летом причинял немалые неудобства.

— Есть шансы, что это просто несчастный случай? Например, химическая утечка?

— Нет. — Сантини посмотрел на нее. — Ответственность за теракт уже взяла на себя ИГИЛ.

5

По всей вероятности, видео было снято на мобильный телефон. В фокусе камеры появились двое мужчин среднего телосложения в джинсах, темных футболках, черных балаклавах и солнцезащитных очках. Судя по смуглым рукам, уроженцы Ближнего Востока. Молодые, моложе тридцати. На видимых участках кожи — ни шрамов, ни татуировок.

Помещение за их спинами занавешивала простыня.

Мужчины по очереди вознесли благодарственную молитву своему Господу и присягнули в верности халифу Абу Бакру аль-Багдади — иракскому лидеру ИГИЛ. Оба говорили по-итальянски, сверяясь с бумажкой и время от времени поглядывая в объектив.

— Мы солдаты «Исламского государства», — сказал левый. — Это мы нанесли удар по поезду, куда нет ходу нашим братьям-иммигрантам. В таких поездах разъезжают богачи, финансирующие войну против истинной религии.

Затем заговорил правый. Голос у него был глубже, а произношение — типично римское.

— Мы никогда не перестанем сражаться с вами. Вам не спастись ни в командировках, ни в турпоездках, ни в своих постелях. По закону шариата наши действия совершенно оправданны. Вы угнетаете правоверных, заключаете их в тюрьмы, забрасываете бомбами. Мы же ударим по вам.

Левый:

— С благословения Аллаха мы завоюем Рим, сломаем ваши кресты и превратим в рабынь ваших женщин. Вам не укрыться от нас даже в собственных спальнях.

— Мы закрываем лица, потому что намерены бороться с вами, пока не умрем мученической смертью, — заключил правый.

Когда видео закончилось, наступила гробовая тишина. Ролик проигрывался на жидкокристаллическом экране клуба постоянных пассажиров на вокзале Термини, который охранялся карабинерами в масках из группы специального назначения, вооруженных автоматами. Среди изогнутых клубных диванчиков толпилось с полсотни высокопоставленных чиновников из различных полицейских и военных подразделений. Когда снова включили свет, все заговорили наперебой, и генерал карабинеров, председательствующий на совещании, был вынужден призвать к тишине.

— По одному, пожалуйста.

— Вы полагаете, что они действуют вдвоем или являются представителями более крупного формирования? — спросил один из полицейских чиновников.

— В настоящий момент ничего нельзя сказать с уверенностью, — ответил генерал. — Как вам известно, сейчас каждый второй буйнопомешанный объявляет себя воином халифата. Однако без высокого уровня подготовки и доступа к редким химическим веществам осуществить подобный террористический акт было бы невозможно. Следовательно, нельзя исключать связь с кадрами ИГИЛ.

Коломба, до сих пор стоявшая поодаль, прислонившись к одной из стеклянных стен, подняла руку:

— Находились ли в поезде лица стратегического значения?

Присутствующие начали перешептываться, разглядывая Колумбу, но генерал и бровью не повел:

— Насколько мы знаем, нет. Но расследование только началось. — Он обвел взглядом собравшихся. — Кризисная группа Министерства внутренних дел уже совещается с министром и премьер-министром. Довожу до вашего сведения, что уровень террористической угрозы повышен до «Альфа-один», что, позвольте напомнить, означает возможность новых терактов. Мобилизованы все правоохранительные структуры. Рим объявлен зоной, запретной для полетов, воздушное сообщение временно приостановлено по всей стране. Станция Термини закрыта до новых распоряжений, а метро не откроется, пока не закончат проверку саперы.

На минуту в зале замолчали. Все пытались переварить чудовищность сложившегося положения: Италия превратилась в зону военных действий.

— Какие вещества использовали террористы? — наконец спросил тот же полицейский чиновник.

Генерал кивнул женщине в темном костюме. Это была Роберта Бартоне из миланской лаборатории судебной экспертизы — для друзей просто Барт. Коломба знала, что

в своем деле Роберте нет равных, но никак не ожидала встретить ее здесь.

— Доктор Бартоне из лаборатории ЛАБАНОФ возглавляет группу судмедэкспертов, проводящих аутопсию жертв, — сказал генерал. — Прошу вас, доктор Бартоне.

Барт встала за прилавок, заменяющий кафедру, и подключила ноутбук к жидкокристаллическому экрану.

— Предупреждаю, изображения довольно отгаликивающие. — Она нажала на пробел. На экране появилась фотография баллона спрея, завернутого в упаковочную бумагу. От насадки отходили два провода, подключенные к таймеру на батарейках.

Началась суতোлка. Каждый пытался занять место с лучшим обзором; кто-то в задних рядах возмутился, что ничего не видит.

— Этот литровый баллон, — пояснила Барт, — нашли при обыске саперы. Он был подключен к вентиляционной системе. — На экране показался снимок открытой панели в стене поезда: за ней проходила электропроводка и резиновые трубки. — В двадцать три тридцать пять электромагнитный клапан открылся, и содержащийся в баллоне газ попал в вагон люкс. Клапан был подключен к «Нокии-105» французского производства. Это был одноразовый мобильник, на который, по всей вероятности, поступил звонок с другого одноразового телефона. К расследованию уже подключилась почтовая полиция¹.

Барт нажала на клавишу. Взглядам предстала фотография вагона, снятого с порога двери, в которую входила и Коломба. Были ясно видны первые трупы. Барт снова

¹ *Почтовая полиция* — полиция почтовых и иных сообщений (Servizio Polizia Postale e delle Comunicazioni); пресекает использование коммуникационных сетей и технологий в целях совершения преступлений; ведет борьбу с детской порнографией в Интернете, нарушениями авторских прав и торговли в Сети, борется с компьютерным пиратством, телефонным мошенничеством, нарушениями в сфере почтовых отправок.

Дациери С.

Д 21 Убить Ангела : роман / Сандроне Дациери ; пер. с ит. Л. Карцивадзе. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 480 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-16354-6

На вокзал Термини прибывает скоростной поезд Милан–Рим, пассажиры расходятся, платформа пустеет, но из вагона класса люкс не выходит никто. Агент полиции Коломба Каселли, знакомая читателю по роману «Убить Отца», обнаруживает в вагоне тела людей, явно скончавшихся от удушья. Напрашивается версия о террористическом акте, которую готово подхватить руководство полиции. Однако Коломба подозревает, что дело вовсе не связано с террористами. Чтобы понять, что случилось, ей придется обратиться к старому другу Данте Торре, единственному человеку, способному узреть истину за нагромождением лжи. Вместе они устанавливают, что нападение на поезд — это лишь эпизод в длинной цепочке загадочных убийств. За всем этим скрывается таинственная женщина, которая не оставляет следов. Известно лишь ее имя — Гильтине, Ангел смерти, убийственно прекрасный...

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

САНДРОНЕ ДАЦИЕРИ УБИТЬ АНГЕЛА

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Лариса Ершова, Светлана Федорова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 29.11.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 5000 экз. Усл. печ. л. 30. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-RBD-24796-01-R